

Р о я Р а й х

День,
когда меня стало

Двое

18+

Роя Райх

День, когда меня стало двое

«Автор»

2026

Райх Р.

День, когда меня стало двое / Р. Райх — «Автор», 2026

Мёртвые не уходят окончательно, а за реальностью скрывается город, в который лучше не соваться без приглашения. Молодой художник Сэя Накамура ощущает это на собственной шкуре. Да так, что события заставляют его усомниться в собственном рассудке. Однако теперь в его теле живёт кто-то ещё – тот, кого Сэя не понимает и не способен контролировать. Ято Кагами, оперативник отдела особых происшествий, предлагает ему свободу в обмен на сотрудничество. Но, чтобы узнать правду о незваном соседе, Сэе придётся шагнуть туда, откуда возвращаются не все.

© Райх Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Сэя	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Роя Райх

День, когда меня стало двое

Глава 1

Сэя

Не занимайся дерьмом, которым можно пугать людей. Так говорил отец, когда я на сутки пропал из дома. Рано было слушать его тогда – в пять лет, и поздно сейчас – в двадцать три. Эта единственная фраза, которая мне запомнилась, когда он наставлял меня. И она, твою мать, пришлась бы как никогда кстати сейчас. Жаль, мой старик уже не сможет сказать ее – преставился сразу после моего шестнадцатилетия.

Мои запястья стерты до мозолей наручниками и, надо сказать, прилично затекли после почти непрерывного недельного пребывания в них. Приходилось даже нужник посещать с железками. Неудобное дело. А собственный запах, от которого у меня темнело в глазах, мог убить какого-нибудь мелкого грызуна. Не знаю, как конвой, что вел меня, не обрыгался. Я вонял смертью, стухшей задницей и кислым потом. Класс!

Куда я попал, наверняка спросите вы? Я шел вдоль окрашенных бежевых стен, по хорошо освещенному коридору, с отделанными деревом колоннами и живописными картинками на них. Никаких ковров. Под ногами гладкие полы, которые наверняка легко моются персоналом, но не скользкие, чтобы никто из таких, как я не запнулся и не свернул себе шею. Хотя, уверен, здесь ее был готов свернуть себе каждый третий без всяких полов.

Очень светло. Когда мы свернули в узкий коридор, я сильно сожурился. Черт, белые мушки прямо так и летали перед глазами. Наверное, от голода, ведь в дороге меня забыли покормить, а до этого места мы добирались долго.

Здесь не так плохо, как меня заверил гнусавый следак, который все тыкал в мои плечи своими распухшими пальцами, и угрожал связыванием и зондами в задницу. Извращенец. Лучше уж здесь, с зондом в промежности, чем в тюрьму.

Без долгих прелюдий хочу сообщить, что я, Сэя Накамура, в свои двадцать три года жестоко убил свою девушку. И я в психушке. И, судя по тому, что разговариваю сейчас сам с собой, совсем не случайно. Как я докатился до этого? Нужно было всего-то, как следует обдолбаться. Обдолбаться настолько, чтобы не упомянуть такое событие.

– Накамура! – позвал меня здоровый амбал, похожий на того самого санитар из триллеров. Его шапчонка жала ему в области висков, а пот собрался на складках лба. Здоровый, гад. Ненавижу шкафов – голова затекает смотреть на таких. Санитар остановился в метре от меня и слегка скривился, наверное, от моего запаха. – Лицом к двери и руки за спину.

Серьезно? Ты, придурок не видишь, что они в наручниках спереди!

Я со всем своим обаянием выдавил улыбку, да так, что ямочки на щеках проступили.

– Начальник, тут как бы это... – виновато помахал железками перед его носом. – В наручниках я.

– А-а, чтоб тебя, – прошипел санитар и перевел взгляд на конвой. – Снимите браслеты. Здесь он никого не тронет.

– Не положено. Приказ довести заключенного строго до палаты.

На это амбал закатил глаза и пропыхтел:

– Тогда, Накамура, не поворачивайся спиной. В палату придется пятиться. Мне нужно видеть твои руки. Надеюсь, ты не выкинешь чего... – добавил он последнее, повернув ключ в замочной скважине.

Я подмигнул, дважды шелкнув языком.

– Смеренный, как раб.

– Ну-ну...

Стоило только зайти внутрь, я как следует разглядел это место, ведь на какое-то время оно будет считаться моим домом. А точнее, до тех пор, пока меня снова не посчитают вменяемым для тюрьмы. Здесь, в палате, очень светло и пахнет антисептиком. Есть неплохая кровать с жестким каркасом, обшитый клеенкой матрас и санузел, правда без двери. А еще, встроенный в стену светильник возле кровати и вешалка для сменной пижамы. Оу, мать моя, все это даже лучше, чем в той конуре, что я снимал с Юи, когда мы с ней... жили вместе. Я сухо сглотнул, стоило только вспомнить ее пшеничные крашенные волосы, с которых густо стекала кровь, пока я тащил ее на себе в ближайшую клинику в ту паршивую ночь.

– Эй, Накамура! Руки, – скомандовал один из тех, кто привел меня сюда, указывая пальцем вверх. Я подчинился, выставив затекшие запястья и браслеты по щелчку отскочили, содрав присохшую шкурку мозолей. Я чуть не описался, черт! Мои длинные, как любила говорить Юи, фарфоровые пальчики, затрещали и затряслись от облегчения. Я размял кисти, насколько это было возможно, и поджал губы, когда в палату зашла медицинская сестра. Нет, ни потому, что в штанах дернулся член – он повис теперь очень надолго, поверьте. Я просто удивился: как эти девчонки, с белой, нежной кожей, работают здесь и не боятся таких, как я – психопатов. Увидь я себя на ее месте, и кого бы лицезрел? Высокого блондина с широкими плечами, узким торсом и гетерохромией глаз? Ни хера! Совсем не близко. Жестокого убийцу с одним жутким, безумным глазом, радужка которого сияла красным, как у долбанного вампира. Да, и этот красавец совсем не гадился для таблоидов или социальных сетей. Мой видок пугал еще до того, как я разделал свою невесту. Но, пожалуй, только она, не боялась меня. Зря. От такого стоило бежать! Я не выдавал себя абсолютно ничем все пять лет, что мы встречались. И еще пять, когда были друзьями и учились в одной школе. Да, я отличался от своих сверстников – любил и люблю читать книги, рисовать пастелью и совсем немного, люблю покутить. Это случалось редко. Когда Юи наскучивало смотреть на мою страдальческую моську или, когда я уставал водить пастелью по бумаге, она тащила меня оттянуться. Мы напивались или обкуривались какого-нибудь плохиша и жестко трахались в подворотнях. Так было стабильно пару раз в месяц, каждый год, что мы пробыли вместе. Эта декада была последней.

Я снова зажмурился и проморгался, ведь увидел жуткие трубки в руках молоденькой сестрички. Она угрожающе задвигалась в мою сторону, и я боязливо отступил, но конвой грубо тормознул ее.

– Погоди-ка, детка. Пусть он сначала бумажки подпишет.

– Руки убери, – она гадливо одарила его взглядом, но не сдвинулась с места. Правильно. Нечего свои сардельки распускать. А она умеет постоять за себя.

Тот, что только что чуть лица не лишился, швырнул на не заправленную кровать кипу бумажек и ручку с мягким стержнем.

– Заполни, псих. И теперь официально им станешь.

И что тут скажешь? Похоже, он прав. Пожав плечами, подался подписывать всю эту стопку, завалившись на клеенчатый матрас, но вой санитар заставил тут же с него спрыгнуть:

– Куда жопу роняешь, гад! Чуешь, как тут пахнет? – я дважды непонимающе моргнул. – От тебя пaset трупом! Ты и так нарушил здесь чистоту. Станешь нарушать и дальше, оставляя грязной задницей следы, я переведу тебя в палату интенсивной терапии, ясно?

Твою ты мать, какой борзый! Я снова кивнул и присел на колени, чтобы подписать эти сраные бумажки. Уж не знаю, такой ли этот санитар по своей натуре или он просто захотел

покрасоваться перед сестричкой, но на моих штанах чуть не появились большие коричневые пятна.

Вся эта толпа: трое конвойных и санитар с медичкой выжидали меня чуть ли не вечность, постоянно вздыхая и переминаясь с ноги на ногу. А я что сделаю? Будто мне до хера нравится заполнять все это. Слышу, как поскрипывает и сжимается резиновый шланг в пальцах девчонки. Ох, она, чую, больше всех здесь не отличается терпением. Боюсь представить, куда этот шланг отправится, когда конвой покинет помещение. Стоило только подписать последний лист, как конвойный навис тенью и выдрал его из-под локтя.

– Все, болезный, отдыхай. Лечись, а потом снова к нам! – хмыкнул он и обернулся на девчонку. – Вы тут ему жопу как следует вазелином мажьте. В тюрьме она понадобится ему.

От услышанного я сжал ручку сильнее, она немного хрустнула, но я нашел в себе силы, чтобы медленно протянуть ее этому ублюдку. Что там говорили про буйных, когда я слушал истории про психушку? Будь я метким, то обязательно залепил бы ее прямо ему в хрусталик. Псина! Жопу свою я не отдам!

Разумеется, все слова я проглотил и поднялся с колена.

– Господин конвойный, теперь он наш пациент. Не вам тормозить спящего джина в бутылке. Вы можете быть свободны, – проскрипела недовольная девчонка.

Этот гондон выдрал из моих рук ручку и, окинув меня напоследок жутко неприятным взглядом свалил из палаты. На этом пытки только начинались. Шланг. Черт, как он будоражил мой высушенный мозг. Я прижал язык к нёбу плотнее.

– Под кроватью складной стул. Возьми его и садись.

Фух, слава богу, не «ложись на живот». Мысленно поблагодарил бога, или кого там надо было, и дернулся под кровать, слыша, как санитар похихикивает надо мной. И без него знаю: выгляжу нелепо. Ладонки вспотели, и лицо, оно должно быть хуже, чем у курицы, за которой пришли с топориком.

– Ага... – не нахожу, что еще ответить, раскрываю стул и прижимаюсь к нему плотнее. Сердце так и херачит, а ведь я еще даже не знаю какая терапия меня ждет. – А...

– Что? – резко спросила девчонка.

– Да я это, – потер я шею, глядя на тонкую трубку сантиметров сорок длинной. – А она зачем?

Медичка подавила смешок, растянув уголки губ. Ну наконец-то, хоть кто-то улыбнулся мне за последнюю неделю. Видимо, выглядел я настолько паршиво, что смог рассмешить эту буку. А нет, еще оперативников, которые здорово побили меня по ребрам. Но их я смешил, не открывая рта. Мой глаз и странные слишком белые, даже нет, пепельные, как у бабки, волосы, всегда были поводом для издевок. А эта сестричка держалась хорошо, даже не оглядывала меня и не шарахалась, что странно – сидит ведь с психом и убийцей.

– Думаешь, стану пихать тебе ее в зад? – проговорила она, пытаясь спрятать оголившиеся зубы, делая вид, что ей не смешно от этого.

– Угу, – покачал я головой, а она взялась за мой локоть и задрал до невыносимости вонючий худи, зафиксировала его, чуть приподняв. – Держи ровно. Я возьму кровь.

– Этим шлангом? – опешил я.

– Это жгут. Ремни с пластиковыми бляшками запрещены. Психи бывают весьма изобретательны. – она замолчала, думая над тем, стоило ли говорить это одному из них.

– Ладно. Главное, он не в моей...

– Заднице, – продолжила она за меня, подняв бровь. Может, мне показалось, но, кажется, она даже как-то слегка напряглась. Не так, как если бы боялась, а наоборот. Я слишком хорошо знал это напряжение. Сотни раз видел его у Юи. Играл румянец на лицевых косточках, замерла слегка приоткрытая от наклона ложбина груди, а внутренняя сторона губы стала прикусываться, чтобы не ляпнуть лишнего. Но я видел, ей очень хотелось открыть свой ротик. Даже

мой чертов глаз ее совсем не смутил. Она должно быть потекла, но я, как и говорил – повис. Не дернулось даже брюхо, а должно бы, ведь таких, как она называли красотками. Плевать.

– Минори, ты скоро?

Блять! Я чуть со стула не взмыл. Совсем забыл, что в этой палате нас было трое. Придурок-санитар сливался со стенами слишком хорошо. Ему бы в разведку. Замаскироваться такому верзиле, как он, это еще постараться надо. Сестричка тоже вздрогнула, поджав колени. О, черт, да она пялится на меня так, будто сейчас оседлает. Вот это переменчивость в настроении, скажу я вам! Я вздрогнул. Эта хищница, твою мать, погладила меня по сгибу локтя, облизнулась и ввела иглу мне под кожу, наклонившись еще ниже. При этом, она легко проигнорировала санитаря, будто вообще не услышала вопроса и приблизилась к моему лицу. Зря это она. Я просто жутко воняю.

Темная кровь полилась в шприц, и моя башка почти сразу стала ватной. Я не ел, толком не пил жидкость всю неделю, но самое неприятное, это то, что меня кошмарно триггерил металлический запах. В глазах слегка позеленело, свет казался темнее, чем минуту назад. И эти сраные вспышки в памяти. *Волосы, лежащие на моих коленях в ночь убийства и резкий хлопок.* Блять, меня стало мутить. Я проморгался.

– Тебе плохо? – набирала она одну колбочку за другой, ускоряясь, как могла.

– Полный... порядок, – просипел в ответ.

Когда экзекуция была окончена, она отсосалась от моей руки, собрав полный короб моего днк, и убрала шланг-жгут в карман.

– Я зайду ещё...

Черт, что? Я что, на свободном посещении?

– Минори, – подозрительно всмотрелся в ее затылок санитар, качая головой. *Правильно, Минори. Не стоит этого делать. Я опасен.* Верзила сделал шаг, и только тогда она осеклась. Если мне еще и челюсть разобьют за домогательства, я точно поймаю комбо! – А тебя я отведу в душевую, как вернусь. До этого момента не вздумай никуда приземляться, кроме стула, – он погрозил на меня пальцем. Пришлось кивнуть, что понял и отвернуться к окну, решетка которого отбросила на меня тень.

Как и договаривались, меня хорошенько искупали. Такого сервиса я еще не видел. Трое здоровых мужиков и я – голый небольшой парнишка возле стенки. Благо, среди них не оказалось извращенцев, и мыла тут не оказалось тоже. Они драили меня с приличного расстояния со шланга, поливая пенящейся жидкостью. Я захлебывался, но был рад этой влаге. Грязь сходила чуть ли не шмотками. Было много крови на башке, ведь я терся лбом о живот Юи, и долго зачесывал кровавыми пальцами свои волосы, пока метался вокруг ее тела.

Чуть позже мне дали пижаму, а еще тапки, которые я должен оставлять возле порога своей палаты, и зачитали правила. А потом напичкали колесами, скорее всего конской дозой седативных, ведь через полчаса я отрубился и проспал около суток. Может, так они дали мне время привыкнуть? Мне будет не сложно, ведь здесь совсем нет людской суеты, что, разумеется, пойдет на пользу. Все лучше, чем быть опасным для окружающих. Как назло, меня упекли в это место в пятницу, а это значит, что врач займется мной только в понедельник. Сестричка, которая заходила ко мне еще дважды, чуть ли не терлась об меня промежностью при любой удобной возможности, но толк от нее все же был: она рассказала о новом враче, чьим пациентом я стану. Жаль, что наше знакомство откладывается, руки так и чешутся порисовать, но подобные запросы только с его согласия.

Еще из минусов: в палате нельзя читать. Для этого есть специально отведенное место и время. Я ходил туда вместе с другими психами, не особо разговорчивыми, кстати. Все они скучные и тормознутые. Попытка поболтать провалилась. Смотрел на них, как в зеркало, вашу мать. И меня ждет такая участь что ли? Ну, может тогда мы подружмся.

Вечером воскресенья ко мне снова заявила Минори. Она взяла еще одно дежурство, но таблетки эта проказница мне уже приносила. Что же ей надо было сейчас?

– Накамура, – сладко пропела она, подходя ближе. – Одевай тапки. К тебе пришли.

– А? – скривился я. Кому я мог понадобиться? Из родственников только тетка, но и она жила в Токио, а я сейчас где-то недалеко от Нагои. Она ни за что не поедет в такую даль ради передачи горе-племянничку.

– В допросной деловой дядька. – шепнула Минори, наклонившись почти так же глубоко, если бы хотела сделать мне минет. Ей оставалось только опуститься на колени, хотя и тогда бы она вряд ли подняла моего дружка. Не сегодня, Минори, мой ствол ушел в запас. Но разглядеть содержимое выреза она все-таки дала как следует. Что у нас там? М, сегодня нацепила пуш-ап на сиськи. Вчера приносила кружева. Боже, столько стараний для психопата. Выпишу когда-нибудь этой малышке похвалу. – Очень серьезный дядька. Ты снова что-то натворил, дружок? – просипела она, но руки с моих коленей не убирала.

– Минори... Ты не могла бы... – я не хотел касаться этой девушки, но ее настойчивость хлестала, как вода из вылетевшего к храму гидранта. Я поднял глаза с сисек к ее переносице, и она заметила, что я достаточно рассмотрел ее декольте. Может сейчас отстанет? – Грозный дядька заждался. Боюсь, он обидится, если задержусь.

Она расслабилась и поднялась выше, качая головой.

– Знаешь, переведав здесь столько психов, по тебе не скажешь, что ты потрошишь людей. Ты не похож на парня с диссоциативным расстройством.

Я просто охренел! Что, блять? Челюсть стиснулась до скрипа. Нет, логично, что о диагнозе, который был условно поставлен после психиатрической экспертизы, знает даже младший персонал. Но зачем она говорит это так, будто не являюсь здесь пациентом? И где этика? Или она, вместе с чувством самосохранения стерлась об либодо, как об наждак?

– Ч-что...

– Ты такой робкий, Сэя, – она погладила мое колено, за которое уверенно держалась. – Хотелось бы увидеть вторую твою личность. Это она надругалась над твоей невестой?

Придушите!

Я вскипел. Наконец-то у меня дернулась палка внутри, но совсем не та, за которую Минори хотела бы подержаться. Это был чертов осиновый кол, что острым концом рвал мне органы. Я снова зажмурился, правый красный глаз жутко загло. Сквозь него я мельком видел свою Юи. Идеальную, тонкотелую. В самой насыщенной краске моей пастели она уплывала из моих рук в гребаную бордовую пропасть...

Дверь толкнули и, хвала всем, в палату зашел санитар. Не такой огромный, как тот, что принимал меня, но тоже удивленный оттого, как близко подобралась ко мне эта сестричка. Она отпрянула. Слава богу!

– Пошли, Накамура. Тебя ждут.

Поднявшись, я опустил подбородок к горлу так плотно, чтобы лица было совсем не видно и побрел к выходу. Жаль, что в пижаме нет капюшона. Под ним я смог бы скрыть соленые брызги, что вылетели из моих ресниц. Хорошо, что санитар шел позади и не видел, каким жалким я выглядел. Меня здорово перещелкивало на слезы, и так же быстро отпускало. Думаю, шокое состояние так дает о себе знать. Чем ближе приближался в комнату для допросов, тем больше я успокаивался. Старался дышать носом, чтобы не всхлипнуть.

Потоки прохладного воздуха быстро высушили мои глаза, а внутри совсем по-другому затарахтело, стоило мне войти в комнатку, которую допросной было назвать очень сложно. Она не предназначалась для всего, что было связано с полицией. Скорее, напоминала кафе при школьной столовой с отдельной дверью. Створки тончайшие, два стекла на дверцах, так еще и на свободных петлях, которые можно толкать в разные стороны. Безопасность от психов на высоком уровне.

Мда. Трэш.

Я думал оглядеться, но глаза очертили ровный эллипс за две секунды. Само пространство тоже крохотное. Здесь нашлось место только столу и четырем стареньким стульям, за одним из которых сидел молодой мужчина. Он явно был старше меня на пять-шесть лет по возрасту, и на лет двадцать по мозгам. Слова «Я умнее тебя, Накамура» так и пробежали у него субтитрами вдоль лба. И при этом он даже еще не поднял глаз.

Я слегка скривился, приземляясь напротив него.

Санитар поклонился и поспешил свалить. Видимо аура этого мужика собиралась подавить не только меня.

От сигарет, которыми он задымил всю площадь, пахло черешней. Даже нет. Дикой вишней в сочетании с дорожным табачным листом. Но в этом очень тесном помещении не было вони просто пепла и просто дыма. Здесь благоухало до рвоты вкусно.

Сам же мужик напоминал огромный недвижимый шкаф – лучшее украшение этого тесного пространства. Он спокойно сидел, перебирая пальцами листы с делом под бежевой папкой, а я уже понял: ему и вставать не надо – он чертовски высокий. Где-то метр девяносто, ведь даже я со своими ста семьюдесятью девятью легко упрюсь носом в его грудак. Меня скривило. Не люблю я шкафов. Да, именно потому, что иметь с ними дела совсем не практично. Они воняют тупостью, поэтому я не вожусь с такими. Но этот... он внушал свой интеллект, сука, на расстоянии вытянутой руки!

Меня бросило от него в дрожь, и я натянул рукава пижамы на ладони, ведь они вспотели от его спокойствия. Этот мудила поправил очки на переносице и перевернул лист дела с тлеющей между пальцами сигаретой, но не взглянул на того, по чью душу явился. На меня. Класс. Вот только игнора мне не хватало.

Пока он, как несущая стена, неподвижно сидел, я быстренько оценил его шмот. Графитовые брючки, которые, уверен, обтягивают его зад, приталенная белоснежная рубашка и черная кожаная портупея с двумя стволами в наплечных кобурах.

Осматривая оружие в них, я сглотнул. Из-под края кобуры виднелись лишь части рукоятей – матово-черные, с грубой текстурой, чтобы оружие не выскользнуло даже из мокрой ладони. Никаких украшений, лишних деталей или блеска – только тяжелая форма и холодная сталь затвора. Пушки увесистые. Такие не хотелось брать в руки из любопытства. Они создавались не для угроз, а чтобы эти самые угрозы заканчивались.

Боже! Вот сейчас у меня встал!

Эти два его дружка свисали так явно и дерзко, что, еще чуть-чуть, и я кинусь на него, чтобы выхватить игрушки, и обстрелять, как следует эту тесную конуру, как в каком-нибудь американском вестерне!

Ремни портупеи, кстати очень явно и живо блестели на рубаше, почти так же, с лоском, как и его черные волосы. Они разбиты боковым пробором, а челка чуть отросла, и падала на лицо и прямоугольные очки.

Провалиться! Я что, пялюсь на мужика? Пха! Блять. Ну нет. Просто его пушки, будто на одну эту минуту, а может и на час-другой, заставили меня снова почувствовать тот азарт, тот вкус, который я слил в унитаз неделю назад. И этот вкус пах сраной горькой вишней.

Точно. Вернусь и трахну Минори прямо на своей пятизвездочной кровати! И пусть мне грозит сраный изолятор, а ей увольнение. Моя жизнь и без того полна дерьма. Изолятор-то такой псих, как я, точно выдержит.

– Итак, Сэя Накамура... – мужик снова перевернул лист, стряхнув пепел в подобие пепельницы.

Однако я ждал продолжения его мысли.

Не дождался. Он заткнулся.

– Э-э... Обычно, когда люди произносят мое имя, то хотя бы смотрят на меня, – дерзнул я, прерывая тишину. *В самом деле, чувак, не обламывай мне вечерок! Задай те же вопросы, что и те, другие, оперативники и вали на хрен, обратно в свою полицию, к префекту под крыльшко!*

– Не хотел мешать тебе.

– О чем вы? – прищурился я.

– О том, как ты пялишься на оружие. Хотел посмотреть, что сделаешь, когда твои слюни перестанут капать на стол.

Я моргнул. Вот сукин сын.

Ловлю себя на мысли, что даже не думал переставать течь на них, по крайней мере, пока он не станет спрашивать меня о том, зачем позвал. Эх, хотел бы разглядеть его бойцов без всей этой кожаной обертки и тугого чехла. Ставлю голову на отсечение, этот тип не из полицейского участка. Или за три дня моего отбывания, снаружи что-то поменялось, и теперь базовые оперативники носят такие стилевые до чертей пушки?! *Кто же ты такой?* Пришлось поднять глаза к его лицу и в этот момент он безразлично встретился с моими! Блять. Теперь этого не утаить. Я пялился открыто!

За прямоугольными стеклами его очков глаза показались запредельно голубыми, но жутко уставшими, с покрасневшей сеточкой сосудов на белках. Но ни раздражения, ни насмешки в них не было. Взгляд ровный, спокойный.

Он ткнул дотлевающий бычок в импровизированную пепельницу. Окурок зашипел, пустив последний залп дыма, а затем его шкафейшество расслабленно откинулся на спинку стула, стягивая очки с узкого прямого носа.

– Раз нагяделся, тогда на вот, держи, – он подвинул стопку моих доков с показаниями, медицинским освидетельствованием и предположительным диагнозом. – Изучи свои проблемы.

Я непонятливо посмотрел то на него, то на бумажки. Какого хера он приперся и ведет себя так, будто это я к нему в гости напросился?

– Не понял.

– Хм, пацан. Почитай еще раз то, что говорил на протяжении всей недели об убийстве своей, м-м, невесты, так?

Я кивнул. Да, невесты! Я сделал Юи предложение незадолго до инцидента, но на самом деле не упоминал об этом ни слова на допросе. За меня это сделали конченные подружки Юи. «Убил невесту накануне свадьбы!» Так кричали заголовки в СМИ, когда делу дали огласку.

– Зачем мне это читать? – я брезгливо кивнул на доки. – Это так же глупо, как и вам снова задавать мне вопросы. Я уже все рассказал полицейским, так что...

– Я не из полиции, – твердо заверил он. – Меня зовут Ято Кагами, я оперативник Управления внутренней безопасности и особых происшествий.

Я скривил лицо. Крутое название для такого, как я. Особые происшествия, значит... куда уж особеннее.

– Ну и? Чего вы хотите на этот раз? Чем вас не устроила вся эта кipa бумажек? Там все написано четко.

Он удержал на мне взгляд.

– Хорошо, – Ято лизнул губу и прищурился. – Раз так, тогда скажи мне, где взял нож, которым потрошил свою невесту?

Я поперхнулся слюной. Ято поднялся со стула и наклонился через стол, чтобы похлопать меня по спине. Твою мать, он огромный! Навис надо мной, так будто был снежным карнизом, а я – склоном, на который эта гигантская ледяная шуба готова обрушиться.

– Н-не... не знаю, – растерянно проскрипел я. Хер его знает, где я нашел его! Если бы я помнил. – Может быть на кухне в клубе...

– Нет. Там ты не появлялся. В твоём доме мы так же не нашли ни одного ножа, схожего с орудием убийства.

Славно. Они тоже рылись в моём доме.

– Принесли бы мне пачку пастели, раз уж побывали в моей берлоге. Здесь довольно скучно.

Я открыто дерзил, ведь весь этот треп бесполезен. Сраные стражи порядка уже зарыли меня с потрохами.

– В следующий раз, – заверил меня его шкафейшество и скрипнул стулом, уронив на него зад. – В деле указано ещё кое-какое доказательство против тебя, Сэя. Насильственные действия в отношении невесты.

Твою мать... это вообще просто жуть. Правый глаз снова зажгло, я зажмурился на секунду. Ято заметил мое самочувствие.

– Хорошо, давай я начну. В 22:17 ты вместе со своей подружкой прибыл в ночной клуб «Аттрактор», там вы веселились, танцевали, а затем решили употребить...

– Нет, – прервал его – понял к чему клонит. – Мы пришли под кайфом.

– Пришли, – повторил Ято. – То есть, в момент ссоры с Юи Касуми ты уже был в состоянии опьянения?

Я кивнул, облокотившись на стол. Кожа на лице заудела. Черт, я не чувствовал себя так паршиво с другими следователями. Может потому, что тогда находился в шоковом состоянии? Ято продолжил:

– После ссоры вы отправились в переулок Нисики, который всего в нескольких шагах от ночного клуба. И там ты стал принуждать ее...

Челюсть сжалась, как по заказу. Мне захотелось ударить этого болтуна.

– Я не принуждал.

И откуда столько ярости взялось? Может потому, что я пытался объяснить это уже множество раз? Может я и убийца, но точно не насильник. За столько лет я Юи и пальцем не тронул без ее согласия. Я не склонен обижать женщин, особенно ту, что была моим живым кайфом, настоящими эмоциями и светом в этой темной жопе, что называлась жизнью.

– То есть в протоколе сказано неверно?

– Я не склонял ее, ясно? Мы занимались грязным сексом в том переулке...

Ято медленно встал со стула, запустив руки в карманы.

– Уже после того, как поссорились?

Оп. Та ссора. Да. Ссору мне не забыть. Я, конечно, и правда повернулся на этой девчонке, но в ту ночь один хмырь слишком сильно кружил вокруг нее на танцполе. Мы были под кайфом, и мне показалось, она ответила ему взаимностью. Стоило бы разобраться с этим уродом, но он исчез, а вот ревность во мне не испарилась так же быстро. Я среагировал... отыгрался на Юи.

– После этого, – кивнул я. – Мы недолго были в ссоре.

– Свидетели говорят, тебя сильно перекрыло. Ты был сам не свой.

От воспоминаний невралгия стала сокращать ребра. Ещё немного, и вывернет. Сглотнул. Слюна тут же запросилась обратно, а самого неприятно дернуло, когда этот опер достал из кармана зажигалку и играючи чиркнул ей. Пришлось жмуриться каждый этот сраный звук.

– Я порвал ей рукав на кофте.

Этот треск фантомно прошёлся по моим ушам вместе с ее испуганным вздохом тогда. Я хотел удержать, не дать ей затеряться в толпе. Блять.

Я продолжил:

– Порвал, но не полностью. Конечно, достаточно, чтобы дома включить швею-мотористку и склепать по шву...

– Что дальше?

– Мы вышли на улицу, на задний двор. Я обнял ее.

– И все?

– Чего вы добиваетесь? – меня вдруг повело. Пора было кончать этот разговор. – Хотите, чтобы я снова и снова окунался в это дерьмо, да?

– Хочу, чтобы ты признался.

– Так я признался, твою мать! – подорвался я с места, замечая, как резко Ято положил руку на оружие. Он ничего не предпринял, но приготовился. Ещё бы, мы не на детской площадке. Мы в психушке. А я психопат, и этому пациенту нужна помощь. Но не успел моргнуть, как она тут же поспела – вбежало три санитаров. Дверь осталась открытой лишь на половину. Все трое замерли, ожидая собачью команду. Все это время они стояли за дверью. Вероятно, слушали нас.

Я открыл рот, втягивая воздух. От холодного, чуть сиплого голоса Ято мне стало не по себе.

– За дверь. Все трое, – до дрожи тихо протянул он, убирая в карман зажигалку. – Живо. Они кивнули и скрылись с его глаз, а я все не мог понять: я должен был признаться себе?

– Ты ведь знаешь, что не смог бы убить ее, Сэя. Так почему пытаешься доказать себе обратное?

– Потому что я не уверен, – проглотил я последнее.

Ято указал глазами на стул.

– Сядь на место. Пожалуйста.

– Ладно, – я прикрыл глаза. Их резало так, будто где-то чистили лук.

– Что было потом?

Он не отстанет от меня. Потупив взор, продолжил:

– Я извинился. Мы помирились. Обычно мы вообще не ссорились, но тот тип взбесил меня. Я увел Юи в переулочек. Там мы часто трахались. Это было нашей шалостью, – я потер ладони, ведь утаил от следствия и этот рассказ. В него никто бы не поверил. Слишком много доказательств против меня. Но этот опер, раз докопался – пусть знает. Делу это все равно не поможет. – Переулочек очень видный, там много патруля, но нам нравился этот вкус опасности. Мы оба слишком возбуждались от этого, и... в общем... Звучит бредево, но... поэтому у Юи могли остаться следы. Но я не брал ее силой. Все было обоюдно, как и всегда.

Ято слушал меня очень внимательно. В голубых глазах я увидел ноту. Жалости. Такой естественной, будто он тоже был там в ту ночь или знал про меня больше, чем я сам.

– Ты понял, что тебя перекрыло?

– Нет. То есть да. Это было, как в бреду, – Кости заломило, я снова сглотнул. Нырять в это дерьмо – так нырять по уши, и я, мать его, сгруппировался, как мог, погружаясь глубже в тот день. – После секса мы с Юи сидели возле мусорного бака, она подползла ко мне и дернула за плечо. Вот тогда нас перекрыло и пришли глюки: «Ты видишь это, Сэя, – сказала она, поднимая палец прямо над мусоркой. – Это прозрачное полотно...» Я пригляделся, потеряв глаза, в них все стало плыть, но Юи была права: справа от стены одного дома до стены другого, возле тупика, будто сама, натянулась прозрачная пленка.

Вот тут Ято ожил. Он вытаскивал мое психическое расстройство, как рыбак тянул бы здорового сома. Медленно. Терпеливо. Выводя на эмоции, но не задавая лишних вопросов. Не понимаю, как решился на это откровение, но из него получался почти идеальный слушатель. А может, мне просто хотелось, чтобы меня наконец выслушали.

Я уперся пальцами в переносицу.

– Пленка подрагивала, была похожа на водную гладь. За ней продолжался мусорный бочок, но стены они были искажены.

– Вы испугались?

– Мы подумали, что купили паленую химоцу, а не травку, – прыснул я. – Юи пробрало любопытство, она потянулась к этой хреновине пальцами, но я не дал ей сделать этого первой, а поднялся на ноги и подошел ближе.

– Ты прошел сквозь пленку?

– Да. Мы оба прошли. Будто в воду или желе. Воздух за ней был, мы спокойно дышали им, но вот вид... Все будто исказилось... Так мы прошли улицу, затем другую. Мы угорали, что нас дико приперло от того, что мы видим это вместе. Я держал Юи за руку...

Выпустив носом воздух, поджал губы. Дико вспоминать, ведь дальше была пропасть.

– Сэя. Посмотри на меня, – Ято дважды щелкнул пальцами, пытаясь поймать мой блуждающий взгляд. – Что ты сделал дальше?

– Дальше ничего. Пустота.

Он напряг челюсть.

– Совсем? Постарайся вспомнить.

– Говорю же, ничего такого. Только громкий щелчок и белая вспышка. Потом я очнулся рядом с Юи. Ее кофта была в крови. Я испугался, затормозил ее, но она все никак не открывала глаза. Стала такой холодной. Окоченевшей. Тогда... я взял ее на руки и побежал искать помощь. Сука... как назло не было ни души. Будто испарились все. Я кричал, вдруг кто услышит... – заткнувшись, надавил на глаза краями запястий. Этот мужик не должен видеть моих слез. Никто не должен, но они, зараза, все решили за меня. – Я не знаю, откуда взялся нож. Кроме нас там не было никого. Все кричит о том, что это был я. И, кажется, так и было...

– Ты кричал о том, что виноват, Сэя. Ты помнишь это?

– Помню. Я виноват. Она умерла, когда я был рядом.

Ято медленно выдохнул, а мне пришлось сильнее сдавить глазные впадины, чтобы соленая жидкость перестала литься из них.

– Если бы я дал тебе шанс выбраться из этого места, скажи, ты бы хотел узнать больше?

Что он только что прогнал? Из психиатрической клиники я могу выбраться только в тюрьму! Сбежать отсюда, чтобы к предполагаемому сроку прибавились еще пара годков? Ну на хер!

– Вы пришли сюда, проделали долгий путь, Ято-сан, чтобы поиздеваться надо мной? – возмутился я, ведь так играть с моим чувствами я не позволил ни одному гребанному следаку, ни одной пташке из судебно-психиатрической экспертизы, даже прокурору! Какого черта позволил этому уроду?

– Хочешь или нет? – со всей серьезностью повторил он. Кажется, он совсем не шутил, но говорил о вещах бредовых.

– Да. Хочу.

Слова вырвались сами собой. Вашу мать! Какого хрена я сказал это? Что он попросит взамен за такую услугу? Несомненно, я хотел узнать больше. Черт возьми, да я горел узнать правду! Но слишком сладки были речи тюремщика.

Грудь Ято надулась, он набрал в нее много воздуха, а затем на выдохе произнес, вытягивая из-под моих локтей личное дело, и зашвырнул его в папку:

– В палате тебя ждут вещи. Одевайся. У тебя десять минут.

Все нутро дернулось. Одеваться? ОДЕВАТЬСЯ? Куда? Он брал меня с собой? Мне верилось в это слабо. В заднице замурлыкало от адреналина. Какой-то тип из управления нихеровых дел появляется из неоткуда и забирает опасного преступника и психопата, о котором уже вторую неделю не смолкают СМИ? Вы, блять, шутите?

– Да кто меня отпустит?

– Уже отпустили. Пока до завтра.

Я слотнул. Я точно сошел с ума и у меня случился очередной приступ! Я просто не верю в этот бред.

– Долго ты еще собираешься действовать мне на нервы, Накамура? – он наклонил голову вниз, призывая подняться и вылететь пулей из допросной.

– А... да... – вздрогнул я, натянув края пижамной рубахи липкими пальцами.

– Я буду ждать за дверью, – добавил он и я дернулся с места. Санитары тут же пристроились по бокам, не поспевая за мной и матеря за то, что в общем-то не положено бегать психам по коридорам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.